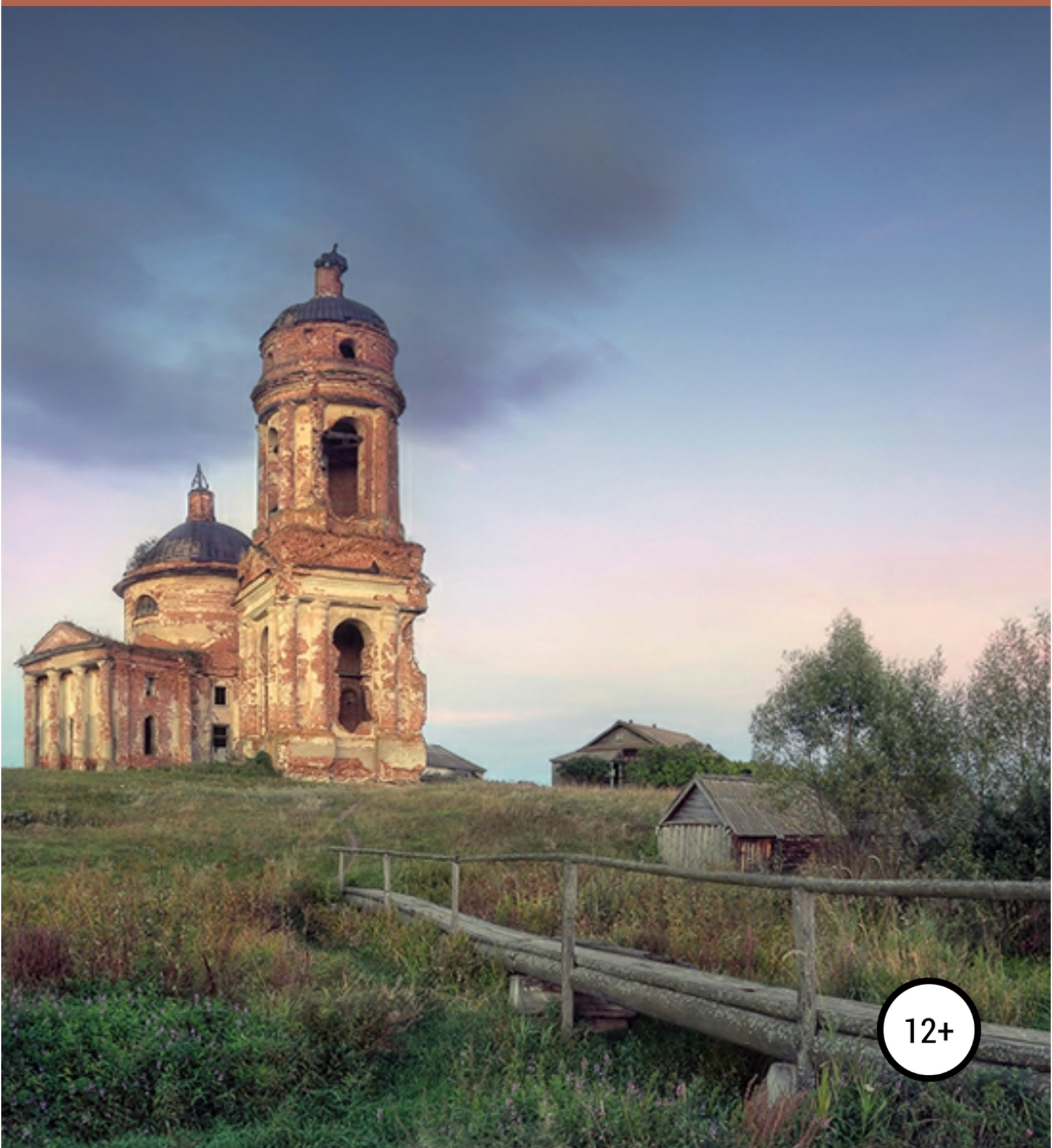

АЛИСА ИРИСОВА

ЗВОНАРЬ

12+

Алиса Ирисова

Зво́нарь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ирисова А.

Звонарь / А. Ирисова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Сонька - чистый, неиспорченный миром и современными веяниями подросток. Она любит мир, его звуки, запахи, цвета - его красоту. Непутевая мать оставляет девочку на лето верующей бабке в деревне. Там и происходит переломный момент - встреча с собой. Этой встрече помог состояться тридцатилетний звонарь, бывший зэк. Но через призму чистоты Сонька видит в нем Человека, не замечает его прошлого, да и не желает знать. Слышит колокольный звон звонаря-волшебника, и стремится наверх, наверх - к небу...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

В оформлении обложки использована фотография автора Александр Бархатов «Воронка. Церковь Тихвинской иконы Божией Матери» с <http://sobory.ru/photo/303906>

«...Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»

(1Кор. 13:1-8)

Глава 1

Колокольня

До слуха доносилось монотонное чтение на клиросе утренних часов¹. Она взялась за холодную ручку железной двери, ведущей на колокольню. Ключ от колокольни нашла на подоконнике рядом с дверью, он пришелся как раз кстати и без труда подошел к замочной скважине. Два раза провернула его, в лицо дохнул легкий прохладный ветерок.

Осторожно переступила порог. За окном мирно чирикали воробьи. Через грязное серое стекло проглядывала часть деревенской улицы с покосившимися от времени постройками.

На бетонном полу стояли бочки, пыльные мешки с цементом, банки с краской, лопаты, щетки, за всем этим пряталась деревянная лестница, ведущая на звонницу.

Держась за теплые перила, стала подниматься по лестнице, мягко переступая с одной шаткой ступеньки, опутанной паутиной, на другую. Оказавшись у дверного проема, остановилась. В углу прохода стояла ростовая икона ангела с копьем.

Сонька положила руку на грудь ангела, под ладонью бугорками чувствовалась потрескавшаяся краска – от маленьких квадратов до самых крупных на бежевых крыльях. Лицом прижалась к крылу, чувствуя острые уголки засохшей темперы. Постояв еще немного, повернула голову – на бетонном полу белели перья, воздух прорезало приглушенное хлопанье крыльев. Шагнула, ощутила пальцами ног что-то мягкое. Это был голубиный пух.

Вот оно!

Бескрайнее голубое небо, перечерченное железной сеткой, на которую только что приземлилась птаха.

Лицо зашекотали волосы, с которыми начал играть ветер, забравшийся и под тонкую кофту. От порыва ветра слегка качнулась, и тут же схватилась за деревянную балку, за которую были туго привязаны серыми веревками колокола... Вот они, мысленно пересчитала молчащие творения мастеров. Десять колоколов в ряд, от самого главного к меньшим. И один, самый маленький, греясь на солнышке, забытый всеми, скромно стоял в сторонке.

– Забыли тебя, маленький, – Соня провела пальцем по пыльным буквам. – G.Collier.Zehlenderf, вот и познакомились...

Солнце, пронзающее крест на синем куполе, заставляло жмуриться от ярких лучей. Соня стояла у окна, держась за оконную сетку, невольно прислушиваясь к звукам – детский топот, щебет птиц, отрывистый лай собак. И в это время ощутила трепет птицы, прильнувшей к ее рукам.

И пела душа... Какая это песня и под каким названием, нам не услышать. Быть может, колокола запомнят ее и когда-то зазвучат по нотам Сонькиной души.

Глава 2

¹ христианские общественные богослужения, молитвенно освящающие определённое время суток (с 6 часов утра до 6 часов вечера); подобранных соответственно к каждой четверти дня и к особым обстоятельствам страданий Спасителя.

Первое знакомство

Она приближалась к храму, когда до слуха доносились равномерные удары колокола.

«Бом-м-м-м...»

«Бом-м-м-м...»

– Их десять, – вслух подумала Соня. – Но сейчас звучит только один. Самый большой – это точно.

За те дни, что Сонька провела на колокольне, она успела выучить голос каждого колокола. У самого старшего – протяжный и басистый, у среднего – звучный, но не такой смелый, а у самых младших – тонкий, чистый, как ручей.

Чутко вслушиваясь в каждое звучание колокола, мысленно переключалась в гаммы и тона. Интересно, звонарь по нотам звонит? Мажор или минор? Верно, всю жизнь учился такому волшебству!

Ступни покалывали камни на дороге, маленький камень забился между пальцами.

«Пока звонят, туда – нельзя», – подумала Соня, ежась от поднимающегося ветра.

После пятнадцатого удара звон прекратился. Соня поспешила привычным путем, туда к небу, на звонницу большого величественного храма. Первое время он пугал ее своими размерами, но после первой встречи с храмом его прохладное дыхание неизвестности и глубины хотелось ощущать на себе еще и еще. С того дня Соня бережно носила на шее ключ от колокольни, словно талисман.

Когда входила под высокие своды храма, время как будто замирало. Там за массивной дверью – птицы щебечут, люди ходят, собаки бегают, а тут – безмолвие, ни звука, ни шелеста. Испытывала легкость, как будто вверх затягивало свежим дуновением. Втягивала сладковато-пряный обволакивающий запах ладана, закрыв глаза, впитавшегося в церковный воздух. Рассматривала, запрокинув голову, настенные росписи, увидев святых впервые – один старец в зеленом стоял на коленях перед иконой, рядом женщина с крестом в руке обнимает девочку – нерукотворное творение! Ходила Сонька от одной иконы к другой, всматриваясь в лики, разгадывала надписи. Едва касалась пальцами, осторожно, стекла киота. За некоторыми стеклами икон висели золотые цепочки, украшения, подвески, браслеты. Проводила пальцем по масляной поверхности подсвечника. Через небольшие окна струился тонкой полосой уличный свет.

*

Крепко держась за перила, покачиваясь от сильного ветра, она перешагнула последнюю ступеньку и вновь оказалась во власти ветра и колокольного звона.

Натянутые веревки подергивались от ветра. Внезапно выглянуло солнце из-за купола. Огромного, синего-синего, возвышавшегося над розовым кирпичом храма. Золотой крест отчетливо виднелся на фоне голубоватого неба. Полосой зеленели поля вдалеке, за которыми темнели трубы завода.

Соня по привычке присела рядом с малым колоколом.

– Ну, здравствуй, – вздохнула. – Пришла тебя проведать. Ты, наверное, тоже замерзаешь. Смотри, какой там ветер поднялся. Братья твои молчат. Нет звонаря – волшебника. Кто он? Здорово звонит, правда?

Сонька представляла звонаря, каким видела в старинных книжках: в черном одеянии, седовласого и бородатого, с сильными руками, что заставляют говорить колокола.

Задумавшись, она вдруг заметила на полу коричневый комочек. Наклонилась...

– Птенчик! Бедный... – бережно, взяла тельце в руки.

Крыло навсегда застыло.

– Маму звал, – тихо проговорила Соня, заметив приоткрытый клюв.

– Как же ты ..., – огляделась вокруг. – Сетки же везде?

Сжимая в ладонях птаху, легла на теплый прогретый временем и солнцем пол. Не заметила, как уснула.

*

Служба заканчивалась. Марк поспешил на колокольню. Глянул на подоконник: «Куда же подевался этот ключ?»

«Колокольный звон над землей плывет, а в монастыре братский хор по-о-ет...» – напевал Марк, торопливо поднимаясь по лестнице к звоннице.

– Бог ты мой... – пригляделся он к свернувшейся клубком девчоночьей фигурке. Она лежала лицом к свету, оттенявшему половину тела. Тонкая клетчатая ткань сарафана помялась, задралась возле острого загорелого колена.

Марк присел на корточки рядом и наклонился, разглядывая девочку. Солнце осветило нежный пух на щеках, капельки пота над губой, веснушчатый нос. Русые волосы рассыпались на деревянном полу, и только одна прядь упала на лицо, задержавшись у подбородка. На сгибе руки до ладони тянулась тонкая голубоватая вена. Расслабленные пальцы девочки держали мёртвую птицу. Марк поднял руку с намотанными на запястье чётками над её головой, чтобы поправить волосы, но кисть остановилась. Он прислушался к дыханию. Огляделся, размышляя над увиденным. Раздался свист. Тут Марк вспомнил, что забыл звонить...

– Ах, Господи помилуй, что за искушение!

Раздались шаги по ступеням. Свистел, вероятно, сторож и уже поднимался на звонницу искать звонаря.

– Марк! – послышался глухой бас. – Звонить нонче будешь али нет? Чай, забыл?

– Иду, Семеныч! – Марк поспешил к колоколам.

Сонька встрепенулась, услышав мужские голоса и раздавшийся звон большого колокола. Перепуганная, вскочила спросонья и уставилась на звонаря.

Марк, закрыв глаза, поочередно звонил во все колокола, «во вся тяжкая» как говорили в селе. Ногой нажимал на педаль с привязанной веревкой большого колокола, а руками перебирал на счет средние и маленькие. Звон, заливая всю округу, поглощая звуки, проникал в душу... В ушах у Соньки звенело от громкого перезвона. Большой колокол гудел после последнего удара. Марк все еще держал веревку колокола, не решаясь повернуться. Соня разглядывала его со спины – ветер пузырил черную рубашку, очертившую ровным контуром мощные плечи. В лестничном проеме показалась голова сторожа:

– Э-эва! – забасил Семеныч. – Девчонка... Вот шо ты медлил! Таперче прозвонился?

Марк, наконец, обернулся, и встретился взглядом с Соней.

– А, ну тебя, Маркуха! – махнул сторож рукой, и исчез, спускаясь вниз.

Марк молча смотрел на Соню, а Сонька на Марка – глаза в глаза. Не разглядывала коротко бритую голову, прямой правильный нос, обветренные губы, небрежную щетину. Нет, лишь серо-зеленые глаза и пристальный, пронизывающий взгляд.

– Разбилась? – нарушил Марк молчание, кивнув на птицу у Сониных ног.

Видно, проснувшись, выронила она птичье тельце.

– Ах! – вздохнула Сонька. Наклонившись, заботливо взяла в ладони мертвую птицу. – Здесь нашла...

– Ведь на окнах сетки везде, как она сюда попала? – снова огляделся Марк.

– Не знаю, похороним птенца?

Промолчав, Марк подивился искренности, чистоте и не испорченности девчонки. Глаза, полные любви и сострадания смотрели на него. В тёплых ладонях Соньки покоился разбившийся птенец.

«Может, выбросить его на помойку...» – промелькнула предательская мысль.

– Там за храмом насыпь, там и похороним, – ответил Марк.

Глава 3

Птенец

Смеркалось. Голубой купол вырисовывался на фоне вечернего неба. Полумесяц едва зарождался.

Сонька быстрым шагом двигалась к храму, обошла двор, показались насыпи.

Марк уже копал могилу, отбрасывая землю поодаль – вскоре нарисовался приличный холмик.

– Поглубже копаю, а то коты да собаки бродячие вмиг доберутся, – пояснил он Соньке.

В руках она держала коробку, обернутую в пеструю ткань.

– Бабушка дала, сказала птенца туда положить, и тканью обернуть...

– Как знаешь, – продолжал Марк копать, не оглядываясь.

«Ага, сейчас гробик сделаем, памятник поставим, все чин чинарем, а что, потом птиц позовем помянуть...»

– Н-да, копать я на зоне хорошо научился, успокаивает, – усмехнулся Марк.

– Где-где? – переспросила Сонька.

– Да так, мысли вслух, не обращай внимания, – продолжая копать.

Соня подошла поближе к выкопанной яме, из-под ног посыпалась земля.

– Бросай ... – проговорил Марк, не смотря на Соньку, облокотившись на черенок лопаты.

Сонька, присев на корточки, осторожно бросила коробку на дно ямы. Обернутый в ткань, квадрат пестрел на черном фоне свежей земли. Комья земли застучали по коробке, посыпались – Марк, без слов, стал закапывать могилку. Вот земля покрыла коробку, слой за слоем земля сровнялась, образовался небольшой холм.

– Все, похоронили твою птаху, – ласково, как ребенку, сказал Марк. – Стемнело уже, пойдем?

– Ветку поставлю, вместо креста, – добавила Сонька.

Зеленая ветка, усеянная листвой, мягко вошла в землю, украсив холм.

Марк следил за каждым движением Соньки со спины, невольно бросив взгляд на тонкую талию, обтянутую ситцевым платьем, на россыпь волос по плечам...

Тут же схватился за четки на запястье, мысленно читая молитву, принялся перебирать узелки.

Не чувствуя взгляд Марка на себе, Сонька продолжала ровнять холмик руками.

– Софка-а-а! Соф-а-а! – послушался знакомый голос.

– Ой, уже бабушка зовет, – обернулась. – Я пойду...

Марк продолжал смотреть за тонкой убегающей фигурой Соньки в темноте, которая скрылась за храмом.

Валентина дожидалась внучку у фонарного столба поодаль от храма. Прислушивалась к вечерним звукам села. Стрекотали кузнечики, гудели сверчки, доносилось отдаленное кваканье лягушек на озере. Лаяли собаки на разные тона, будто отвечая друг другу – то дальше, то ближе. На улице ни души, лишь изредка раздавался хохот подростков в соседнем квартале.

– Софка-а-а! – волновалась Валентина. – Софа-а-а!

В конце улицы показался силуэт бегущей фигурки. В темноте выделялся светлый сарафан Соньки.

– Бабушка! – обняла Сонька старушку, запыхавшись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.